

и живот... ты, княже, не сам впадаешь в печаль, но введут тя думцы... Умен муж не велми на рати хоробр бывает, но крепок в замыслех; да тем добро збирати мудрыя... Многажды бо и безнарядием полцы погибают" (Унд. 57- 58). Этот последний случай автор иллюстрирует рассказом о борьбе Святополка с Ярославом, о победе Боняка над уграми.

Весь этот обширный эпизод, имеющий целью противопоставить „едина мудра десяти хоробрующим без ума“, изложен в тоне самооправдания и носит явно биографический характер. Но в идеологической атмосфере средневековья, с его общепринятым, обязательным культом воинской доблести,¹ такое самопризнание могло быть вызвано только каким-то предварительным обоснованным обвинением.² Из текста „Моления“ видно, что какие-то „думцы“, „без ума хоробрующие“, толкнули князя на войну, которую он проиграл; „умные мужи, не велми на рати хоробрые“, как будто предсказывали эту неудачу. Таким „на рати не хоробрым“, но „на словах“ „крепким“ оказался и сам автор. Он впал в немилость у князя и теперь приводит все это длинное рассуждение о храбрых и мудрых для того, чтобы закончить его советом: „да тем добро збирати мудрыя“, т. е. снова приблизить и его самого.

В истории междукняжеской борьбы начала XIII в., в которую оказался вовлеченным и адресат „Моления“ — князь Ярослав Всеволодович, приведенный рассказ „Моления“ заставляет вспомнить события, предшествовавшие Липицкой битве 1216 г. В этом году между сыновьями Всеволода возникла усобица, в которой, с одной стороны, действовали князья Константин, Мстислав Удалой и другие, а с другой — Юрий и его верный союзник брат Ярослав Всеволодович, адресат „Моления“. Решительная битва произошла на реке Липице и окончилась полным поражением Юрия и Ярослава. Ростовская летопись сохранила рассказ о том, что перед битвой в стане Юрия и Ярослава был устроен пир, на котором был поднят вопрос о предстоящем сражении. Какой-то боярин высказался за примирение: „«Твори мир,³ князь Юрьи и Ярославе, меншаа братья в вашей воли, оже бы по моему гаданию луче бы мир сътворити и дати старейшинство князю Костянтину. Ци зрим, оже при наших полцех тех мало Ростиславля племяни, да князи мудри суть и рядни и хоробри, а мужи их Новгородци и Смоляне дерзи к боеви,

¹ В „Сказании о Борисе и Глебе“ идеал князя Борис — „в ратех хоробр, в советех мудр и разумен при всемь“ — Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. П., 1916, стр. 52.

² Первый издатель редакции XIII в. „Моления“ В. Ундольский видел причину немилости князя к автору „в неискusstве последнего «в делах ратных»“. Русская беседа, 1856, кв. 2, стр. 7.

³ В Тверском сборнике, где отражена поздняя версия этого рассказа, боярин, выступавший против битвы, назван „Творимир“ — так осмыслены первые слова его речи; в противоположность ему, боярин, настаивавший на том, чтобы вступить в бой, назван „Ратибор“. См. об этом эпизоде выше в статье: Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче.